

RU

Повествовательный эффект отмеченности качеством настоящего в современной русской прозе: роман Г. Яхиной «Дети мои» в соотнесении с некоторыми пост-постмодернистскими концепциями

Масленникова А. В.

Аннотация. Роман «Дети мои» Г. Яхиной можно отнести к ряду текстов современной художественной прозы, для которых характерно наличие некоторых анти-постмодернистских тенденций. Например, в романе выделяется лишённое иронии представление метафизического, чему невозможно предложить объяснение с точки зрения принципов существования фантастического в художественном тексте, как и обосновать его связь с магическим реализмом как художественным методом. Цель исследования – предложить альтернативное объяснение принципам сообщения его реципиенту метафизических коннотаций. Научная новизна состоит в том, что опосредованное особенностями повествовательной организации сообщение реципиенту метафизических коннотаций может быть рассмотрено как повествовательный «эффект отмеченности качеством настоящего», следуя интерпретации понятия “Präsenz” автором анализа современной парадигмы теории присутствия Р. Херманном. В результате установлено, что использование данной философской методологии по отношению к современному роману позволяет объяснить сообщение его реципиенту метафизических коннотаций с точки зрения некоторых положений известных пост-постмодернистских концепций.

EN

The narrative presence effect in contemporary Russian prose: the novel “Children of the Volga” by G. Yakhina in relation to certain post-postmodernist concepts

A. V. Maslennikova

Abstract. The novel “Children of the Volga” by G. Yakhina represents contemporary fiction with distinct anti-postmodernist tendencies. For example, the novel features an ironic-free representation of metaphysical elements that cannot be explained from the perspective of the principles governing fantasy within literary works, nor its connection with magical realism as an artistic method justified. The aim of this article is to provide an alternative explanation for how these metaphysical connotations are conveyed to the recipient. Its scientific novelty lies in considering the mediated communication of metaphysical connotations to the reader through narrative organization as a narrative effect marked by the quality of presence (“Präsenz”), following R. Hermann’s interpretation of the concept within his analysis of modern paradigms of presence theory. As a result, it has been established that applying this philosophical methodology to a contemporary novel allows one to explain the transmission of metaphysical connotations to its recipients from the standpoint of some tenets of well-known post-postmodernist concepts.

Введение

В отношении романа Г. Яхиной «Дети мои», как и многих текстов современной русской художественной прозы, можно отметить наличие неироничной проблематизации метафизических, эстетических и этических тем. Актуальность данного исследования определяется тем, что интерес авторов к перечисленным темам в русской литературе первой четверти двадцать первого века рассматривался многими исследователями как анти-постмодернистские тенденции. В частности, к обозначенным исследователями анти-постмодернистским тенденциям можно отнести возникновение в русской прозе последней четверти века «новой искренности» (в терминологии Н. Ивановой (1998)), искренности и аутентичности, согласно концепции «постпостмодернизма» Н. Маньковской (1999), эстетического и этического в концепции неомодернизма Д. Кротовой (2018, с. 269),

«поворота к новой искренности», обозначенного в манифесте Д. Пригова, и «новой сентиментальности», согласно трактовке предложенного Приговым определения М. Эпштейном (2019). Обозначенные названными исследователями анти-постмодернистские тенденции могут быть рассмотрены как повествовательные эффекты, возникающие в современной русской прозе. В качестве примечания стоит отметить, что использование понятия повествовательного эффекта в современном литературоведении является достаточно распространённым и уже давно вошедшим в научный оборот. Например, в подтверждение этого можно сослаться на косвенное определение повествовательного эффекта, представленное в книге “The Basic Elements of Narrative” Дэвида Хермана:

Stories and storytelling not only emerge from communicative interactions structured as narrative occasions, but can at another level represent the process by which social interchanges assume a narrative profile – and with what consequences and effects (Herman, 2009, p. 50). / Рассказы и повествование возникают не только из коммуникативных взаимодействий, структурированных как нарративные случаи, но на другом уровне могут представлять процесс, посредством которого социальные взаимодействия приобретают повествовательный профиль – и с какими последствиями и эффектами (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. М.).

Однако особенность описания повествовательных эффектов в современной прозе перечисленными русскими исследователями состоит в том, что ни один из них не предлагает анализа особенностей повествовательных стратегий, опосредующих их возникновение, а также не связывает их с какими-либо пост-постмодернистскими философско-культурными теориями.

Исключением в этом отношении является наиболее методологически разработанная пост-постмодернистская философско-культурная теория перформатизма Р. Эшельмана (2021, с. 1-34), согласно которой ранее отмеченные исследователями анти-постмодернистские эффекты, возникающие в современной художественной прозе, в том числе русской, обозначаются им как «эффекты трансцендентного». А именно, появляющиеся в современной русской художественной прозе повествовательные эффекты «любви, веры, смирения, искренности, ощущения трансцендентности и др.» были концептуализированы в перформативской теории Эшельмана как опосредованное определёнными повествовательными стратегиями сообщение реципиенту «эффектов трансцендентного» (2021, с. 1-34). Описанные Эшельманом эффекты трансцендентного представляют собой оригинальный методологический подход, делающий возможным противопоставление ранее отмеченных исследователями анти-постмодернистских эффектов в современной русской художественной прозе устранению трансцендентности в постмодернистской художественной прозе и референциальности её представления «средствами языковой выразительности в модернистской художественной прозе» (Масленникова, 2025, с. 18). Кроме этого, изучение формально опосредованных особенностями повествовательной организации эффекта «трансцендентного откровения» (Масленникова, 2025), соотносимого с несколькими пост-постмодернистскими философско-культурными концепциями, было продолжено на материале современных русских романов в монографии «Аукториальность в современных русских романах» автора настоящей статьи. Однако важно отметить, что изучение пост-постмодернистских повествовательных эффектов, возникающих в современной русской художественной прозе, не может быть ограничено уже существующими концепциями и представляет собой перспективное исследовательское направление, призванное предложить методологическое обоснование для противопоставления поэтики современной художественной прозы поэтике прозы других литературных эпох.

Актуальность исследования анти-постмодернистских тенденций применительно к роману «Дети мои» Яхиной обусловлена тем, что большинство исследователей, анализируя присутствующие в нём метафизические темы, с одной стороны, предпринимали попытки их осмысления с точки зрения проявления фантастического в литературе или описывали художественную образность в романе с помощью постмодернистской терминологии, сопоставляя роман с каноническими образцами магического реализма. Однако, с другой стороны, каждый из них в той или иной степени обозначал некоторую проблемность используемой ими терминологии, так как черты ни фантасмагории, ни магического реализма не позволяют найти единую интенциональную доминанту данного текста. В частности, А. С. Бакалов и З. Н. Бакалова в статье «Два русских романа о “русских” немцах» косвенно отмечали проблематичность использования термина «магический реализм» в отношении «Дети мои»:

Непричастность русского произведения к мифотворчеству <...> У татарской писательницы свой “магический реализм” – с превращениями сказок в быль, с магией реки Волги как чудовищного музея народных бедствий (Бакалов, Бакалова, 2020).

В статье «Интертекстуальный ресурс русской классики XIX-XX вв. в романе Яхиной “Дети мои” (2018)» О. Богданова также опосредованно отмечает проблематичность как интерпретации непротиворечивого сосуществования реалистических и метафизических тем в романе, так и однозначности его соотнесения с магическим реализмом как постмодернистским художественным методом:

<...> смешением константной и виртуальной реальностей, повествовательной нонселекцией и отчасти смысловой неразрешимостью ... отнести этот роман к направлению метамодернизма и отчасти метафизического реализма, тесно связанного с магическим реализмом второй половины XX в. (Богданова, 2024, с. 126-127).

Подробный анализ рецепции рассматриваемого романа в русской литературной критике был представлен в статье «Художественная реальность романа Яхиной “Дети мои”» В. М. Розина. Автор данной статьи также отмечает: «По мнению ряда критиков в новом романе Яхиной не удалось органично соединить различные художественные содержания и темы» (Розин, 2018, с. 79). Также сложность с выделением единой

интенциональной доминанты на уровне реципиента отмечала в статье «Интермедийальность как составляющая транзитивной картины мира в современной русскоязычной прозе» А. Набиуллиной:

Музыкальные и визуальные параллели к вербальному тексту участвуют в создании вероятностно-множественной модели мира, статуса субъекта и его судьбы.

Целое произведений формирует ... принцип текучести... (Набиуллиной, 2023, с. 452).

Сложности однозначной интерпретации метафизических тем в романе отчасти были рассмотрены в статье «Художественная ценность бестселлера: жанровое искусство романа Яхиной “Дети мои”» исследователями С. Цзан и Ю. Гуань с позиции «жанровой гибридности»:

Читатель, путешествуя между историей, легендой и сказкой, помещается в пространство то ли сказки, то ли легенды, то ли романа, то ли всего поочередно. Одной сюжетной линии недостаточно (2024, с. 58).

Соответственно, можно установить, что в каждом из рассмотренных выше заключений исследователей романа может быть отмечена сложность рецепции интенциональной доминанты данного художественного текста, как и описания с помощью существующего литературоведческого инструментария представления в романе метафизического, или трансцендентного по И. Канту.

Проблема изучения данного романа, оставшаяся прежде вне внимания исследователей, состоит в том, что тематизация в романе метафизического оказывается связана с опосредованными особенностями организации его повествовательного уровня сообщением реципиенту необъяснимых с точки зрения структуралистской и постструктуралистской методологии метафизических коннотаций, которые не могут быть подвергнуты постмодернистской деконструирующей иронии. Предположение состоит в том, что их возникновение оказывается обусловлено некоторыми особенностями повествовательной организации романа и не может быть отнесено к проявлению фантастического в художественной прозе или объяснено с помощью художественных принципов магического реализма. При этом объяснение для возникновения метафизических коннотаций в романе также не может быть ограничено исключительно выше рассмотренными концепциями формальной опосредованности сообщения реципиенту «эффектов трансцендентного» (Эшельман, 2021, с. 1-34) или «трансцендентного откровения» (Масленникова, 2025).

С целью предложить альтернативное методологическое решение тому, как было бы возможно объяснить сообщение реципиенту романа метафизических коннотаций, необходимо решить следующие задачи:

- произвести базовый нарратологический анализ фантастического в романе «Дети мои» Г. Яхиной;
- выявить особенности представления метафизических коннотаций на повествовательном уровне романа;
- рассмотреть понятие философского концепта мгновения (Theunissen, 2007) и соответствующее, родовое для него понятие “Präsenz” (Hermann, 2019), которое было впервые проанализировано немецким исследователем Р. Херманном в книге “Präsenztheorie. Möglichkeiten eines neuen Paradigmas anhand dreier Texte der deutschen Gegenwartsliteratur (Goetz, Krausser, Herrndorf)” применительно к новой парадигме теории присутствия;
- рассмотреть особенности сообщения реципиенту метафизических коннотаций с помощью предлагаемого понятия повествовательного эффекта отмеченности качеством настоящего;
- соотнести философский концепт мгновения и соответствующее ему, родовое понятие Präsenz с некоторыми пост-постмодернистскими концепциями.

Материалом для настоящего исследования послужил роман Г. Яхиной «Дети мои» (2018).

Теоретическую базу исследования составили нарратологические понятия Вольфа Шмида (2003), представленные в его переводной монографии «Нарратология», определение фантастического Цветаном Тодоровым (Todorov, 1975) со ссылкой на его книгу “Einführung in die fantastische Literatur”, философский концепт мгновения, согласно определению, предложенному в “Historisches Wörterbuch der Philosophie” немецким философом Михаэлем Теуниссеном (Theunissen, 2007), а также родовое для данного термина понятие “Präsenz”, рассматриваемое немецким исследователем Робертом Херманном (Hermann, 2019) применительно к современной парадигме теории присутствия в монографии “Präsenztheorie. Möglichkeiten eines neuen Paradigmas anhand dreier Texte der deutschen Gegenwartsliteratur (Goetz, Krausser, Herrndorf)”.

Понятие “Präsenz” в контексте исследуемых Херманном шести текстоориентированных современных теорий присутствия может быть переведено на русский язык не только как присутствие, но и как отмеченность, наделённость качеством настоящего (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. М.). Используя гибридную методологию, а именно нарратологический анализ в качестве методов исследования, а также концепцию Херманна и некоторые положения рассматриваемой им в числе прочих эстетической концепции Мартина Зееля как философскую методологию, в результате исследования можно установить следующее: сообщение реципиенту романа «Дети мои» метафизических коннотаций обусловлено особенностями организации повествовательного уровня и является результатом семантически опосредованного эстетического переживания его реципиентом воспринимаемого перформанса, что может быть рассмотрено как повествовательный эффект отмеченности качеством настоящего.

Практическая значимость исследования состоит в том, что найденное методологическое решение призвано предложить концептуальное обоснование для возможности рассматривать поэтику романа с точки зрения некоторых положений известных пост-постмодернистских концепций. Соответственно, полученные результаты могут быть использованы при разработке и чтении теоретических и практических курсов по русской литературе XXI века.

Обсуждение и результаты

В центре сюжета романа «Дети мои» – сентиментальная история школьного учителя Якоба Баха, проживающего в поволжском немецком поселении Гнаденталь в 20-30-е гг. двадцатого столетия. После внезапной смерти жены Клары Бах окончательно замыкается в себе и растит приёмную дочь Анче. Чтобы раздобыть средства к существованию, Бах по просьбе председателя колхоза Гофмана записывает по памяти известный ему местный фольклор, однако в процессе сочинения сказок открывает в себе сверхъестественную креативную способность претворять эстетизируемую им фикциональную действительность в окружающую реальность, а в финале романа сверхъестественным образом оказывается в подводном мире, где встречает многих действующих лиц как его собственной, реальной биографии, так и прежде сочиняемых им историй. Повествование в романе линейно и принадлежит aukториальному повествователю. Возникновение в восприятии Баха сверхъестественных объектов и явлений может быть отнесено к проявлению фантастического на диегетическом уровне, так как при столкновении с ним протагонист, согласно повествованию aukториального повествователя, испытывает характерную для фантастического жанра художественной прозы «нерешительность»:

С этого дня они и стали происходить – совпадения. Невероятные, необъяснимые. Совпадения, рассказать о которых он не мог, ..., опасаясь обвинений в безумии. Совпадения столь очевидные, что и отрицать их существование он тоже не смел (Яхина, 2018, с. 245).

Бах побрёл дальше, всё более удивляясь разнообразию водного мира и его удивительному свойству оберегать предметы от воздействия времени и природы (Яхина, 2018, с. 474).

Однако особенность повествовательного уровня романа состоит в том, что «нерешительность» при встрече со сверхъестественными объектами и явлениями испытывает исключительно протагонист, другие же персонажи, так же согласно повествованию aukториального повествователя, воспринимают все происходящие события как возможные и вероятные (Todorov, 1975, S. 26). В соответствии с этим можно установить, что стирание границы между реальным и сверхъестественным на диегетическом уровне не находит ни опровержения, ни подтверждения на повествовательном уровне, то есть со стороны aukториального повествователя не может быть объяснено ни особенностями психологического восприятия протагониста, ни новыми фантастическими законами (Martínez, Scheffel, 2019, S. 143). Так, под фантастическим в литературе Цветан Тодоров понимал следующее:

...die Unschlüssigkeit, die ein Mensch empfindet, der nur die natürlichen Gesetze kennt und sich einem Ereignis gegenüber sieht, das den Anschein des Übernatürlichen hat (Todorov, 1975, S. 26). / ...нерешительность, которую испытывает человек, знающий только естественные законы, сталкиваясь с событием сверхъестественным.

В качестве примера можно рассмотреть следующие повествовательные фрагменты:

Бах писал сказку про двенадцать охотников, обернувшихся юными девами, – ... видел отчетливо, что мужские ... блузы ... прикрывают округлые женские тела, и тел этих – ровным счетом двенадцать. «Что, шульмейстер, подсобить нам пришли? ... кричала ему одна из колхозниц, ...» (Яхина, 2018, с. 248).

Бах растворялся в Волге. ... как вдруг сила ... схватила его за грудки и ... потянула вверх. <...> Бах, ..., желая поскорее вернуться в реку, <...> Над ним два киргизских лица ... – Уйти хотел, ... (Яхина, 2018, с. 483).

Соответственно, вопрос о том, действительно ли на диегетическом уровне возникают сверхъестественные объекты и явления или они являются лишь частью креативного воображения протагониста остаётся открытым в aukториальной точке зрения или в полной мере дискурсивно недоступным на повествовательном уровне. Данные особенности организации повествовательного уровня предопределяют то, что одна из нарративных интриг романа относительно того, имеет ли сверхъестественную природу креативная способность протагониста претворять фикциональную действительность в окружающую его реальность, остаётся принципиально неразрешимой, а на уровне реципиента оказывается невозможным подтвердить или опровергнуть неоднородность диегетического уровня. Примечательно, что на рецептивную установку собственного художественного текста в одном из интервью указывала непосредственно сама Яхина: «Читатель сам должен понять, что происходит на самом деле, а что – лишь в воображении героя» (Гузель Яхина..., 2018). Однако важно отметить, что подтвердить существование в данном романе фантастического как части реального, как и взаимную проницаемость мира фантазий и реальности, характерных для магического реализма как художественного метода, оказывается невозможным на повествовательном уровне. Так, в исследовании по сравнительному литературоведению “Von Magischen Realisten und Weißen Tigern” Хермина Кристиана Шранц (Schranz, 2009, S. 11-17) выделяет следующие характерные черты магического реализма: создание реальности посредством языка, который не может иметь фиксированного значения; взаимно проницаемые миры фантазии и реальности, постоянно деконструирующие себя из-за множественности предлагаемых на aukториальном уровне решений; установка на скептическую оценку со стороны реципиента в отношении того, что говорится. В романе же «Дети мои» читателю из-за отсутствия явных опровержений со стороны aukториального повествователя не предлагается усомниться в том, что ему дискурсивно сообщается. Тем не менее, следуя приведённой цитате непосредственно самого автора, наличие некоего унифицированного решения на aukториальном уровне предполагается. Также aukториальным повествователем не подтверждается

претворение протагонистом фантазии в реальность. Названные особенности романа позволяют противопоставить данный текст каноническим образцам литературы магического реализма. Соответственно, претворение протагонистом фикционального метафизического в реальное не может быть подвергнуто постмодернистским принципам иронии и скепсиса. Таким образом, возникающее в романе сообщение реципиенту метафизических коннотаций оказывается опосредованно некоторыми особенностями организации повествовательного уровня, чему необходимо предложить соответствующее объяснение.

Итак, креативная способность протагониста претворять фикциональную действительность в окружающую его реальность, которую оказывается невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть со стороны реципиента, состоит в том, что на повествовательном уровне возникают описания сверхъестественных, эстетизируемых Бахом объектов и явлений. При этом возникновение описаний сверхъестественного оказывается предопределено немотивированной, остающейся необъяснимой на повествовательном уровне романа тематизацией в отдельных повествовательных фрагментах некоего эстетизируемого, остановленного мгновения:

Но сейчас, во время ожидания чего-то важного, что должно было вот-вот произойти или уже происходило <...> Из перинных глубин поплыли – ... запах прошлого: нежные ароматы детского тела ..., и давно позабытый запах Клары, и шьюгауза... (Яхина, 2018, с. 471-474).

На бревенчатых стенах можно было разглядеть мельчайший древесный узор, ... а узорные наличники белели, словно вырезанные минуту назад (Яхина, 2018, с. 474).

А именно, в данных повествовательных фрагментах возникают описания эстетизируемых в восприятии протагониста и наделяемых им метафизическими свойствами объектов и явлений (возникающие при взбивании перины, чувственно воспринимаемые объекты из прошлого, остающиеся неизменными под водой наличники, бревенчатые стены), что представляет собой реализацию остающейся дискурсивно не доступной для однозначной интерпретации реципиентом креативной сверхъестественной способности Баха. Данные описания опосредуют необъяснимую на повествовательном уровне тематизацию неизменного, остановленного мгновения настоящего. При этом описания времени как мгновения существуют независимо от линейного времени основной сюжетной линии и не могут быть объяснены с помощью персональной: «Вчера поутру, звоня в пришкольный колокол, Бах знал, что слышат его немногие...» (Яхина, 2018, с. 13), – или нарраториальной («Ни единого раза после того дня не сыграло с ним воображение дурную шутку...» (Яхина, 2018, с. 46)) временных точек зрения в терминологии Шмида (2003, с. 77). Тематизируемое в отдельных повествовательных фрагментах романа остановленное мгновение настоящего может быть соотнесено с философским концептом мгновения (Theunissen, 2007).

В качестве исходного пункта для возможного объяснения опосредованного сообщения реципиенту метафизических коннотаций представляется возможным рассмотреть одно из заключений, к которому приходит автор анализа шести современных текстоориентированных концепций теории присутствия, немецкий исследователь Херманн. Рассматриваемое Херманном в книге “Präsenztheorie. Möglichkeiten eines neuen Paradigmas anhand dreier Texte der deutschen Gegenwartsliteratur (Goetz, Krausser, Herrndorf)” понятие “Präsenz” (присутствие и/или отмеченность качеством настоящего) является родовым по отношению к философскому концепту мгновения и определяется автором данной книги следующим образом:

‘Präsenz’ bezeichnet die ästhetische Wahrnehmung einer Performanz, die sich der Repräsentation entzieht und die eine temporäre Auflösung des Subjekt-Objekt-Denkens sowie ein intensives Erleben von Raum und Zeit bewirkt (Hermann, 2019, S. 222). / Отмеченность качеством настоящего обозначает эстетическое восприятие перформанса, ускользающего от репрезентации и вызывающего временное растворение субъектно-объектного мышления и интенсивное переживание пространства и времени.

Применительно к анализируемым им концепциям теории присутствия Херманн отмечает объединяющее их эксплицитное или имплицитное наличие “verschiedene "Arten ästhetischen Erlebens”” (Hermann, 2019, S. 15) (различных видов эстетического переживания), благодаря чему на первый план в современных произведениях искусства выходит рецептивный аспект. В качестве наиболее перспективной для предстоящего анализа теории представляется возможным рассмотреть анализируемый Херманном в числе прочих концепт эффекта отмеченности качеством настоящего в эстетической концепции теории присутствия Зееля, изложенной им в книге “Ästhetik des Erscheinens”. А именно, применительно к интерпретации данного концепта Зеелем Херманн рассматривает в том числе понятие “Rauschen” (Hermann, 2019, S. 14) (рауш-состояние) как термин, который подразумевает “phänomenologisch fundierte und rezeptionsästhetisch orientierte Wendung” (Hermann, 2019, S. 14). (феноменологически обоснованный и рецепционно-эстетически ориентированный поворот). Данное заключение исследователя можно рассмотреть как потенциально возможное методологическое объяснение принципов сообщения реципиенту романа «Дети мои» необъяснимых на повествовательном уровне метафизических коннотаций. А именно, согласно интерпретации Херманном понятия “Präsenz” применительно к эстетической концепции Зееля, опосредованное особенностями организации повествовательного уровня сообщение реципиенту метафизических коннотаций может быть рассмотрено как семантически опосредованное эстетическое переживание им воспринимаемого перформанса, т. е., следуя определению Зеелем понятия “referentielles Rauschen” (Hermann, 2019, p. 384) (референциональное рауш-состояние) как “die Komplexität der semantischen Bezüge die Sinnbildung des Texts unterwandert” (Hermann, 2019, S. 157) (сложности смысловых отсылок, изменяющих смысл текста). Соответственно, сообщение метафизических коннотаций реципиенту романа представляет собой возникающий эффект отмеченности качеством настоящего, согласно концепции Херманна.

А именно, недоступность для однозначного подтверждения или опровержения со стороны реципиента существования на диегетическом уровне сверхъестественных свойств объектов или явлений, описания которых на повествовательном уровне оказываются обусловлены также неподтверждённой сверхъестественной способностью протагониста, можно объяснить следующим. В связи с тем, что описания сверхъестественных свойств объектов или явлений служат необъяснимой на повествовательном уровне тематизации остановленного мгновения, то сообщение реципиенту метафизических коннотаций можно рассмотреть как результат эстетического восприятия перформанса (*“die ästhetische Wahrnehmung einer Performanz”* (Hermann, 2019, S. 214)), возникающего благодаря интенсивному переживанию пространства и времени (*“ein intensives Erleben von Raum und Zeit”* (Hermann, 2019, S. 214)), или как эффект отмеченности качеством настоящего. Под интенсивным переживанием пространства и времени (*“ein intensives Erleben von Raum und Zeit”* (Hermann, 2019, S. 214)) применительно к роману «Дети мои» будет иметься в виду опосредованная описаниями сверхъестественных свойств объектов и явлений необъяснимая на повествовательном уровне тематизация остановленного мгновения настоящего. В связи с этим тематизацию в отдельных, гетерогенных повествовательных фрагментах остановленного мгновения настоящего, основываясь на интерпретации понятия *“Präsenz”* Херманном в отношении эстетической концепции теории присутствия, представленной Зеелем в книге *“Ästhetik des Erscheinens”*, можно рассмотреть как *“referentielles Rauschen”* (Hermann, 2019, S. 384) (референциональное рауш-состояние). Зеель, согласно Херманну, использует понятие *“referentielles Rauschen”* (Hermann, 2019, S. 384) применительно к текстам художественной литературы и описывает его как эффект, возникающий в фикциональном произведении: *“Ein literarisches Rauschen, bei dem die Komplexität der semantischen Bezüge die Sinnbildung des Texts unterwandert”* (Hermann, 2019, S. 157). / Литературное рауш-состояние, в котором сложность смысловых отсылок, которая изменяет смысл текста. Термин *“Rauschen”* (рауш-состояние) подразумевает *“Die Gesamtheit der Elemente und Aspekte eines ästhetischen Objekts, die für das wahrnehmende Subjekt Anlass zu einem Rausch sein können”* (Hermann, 2019, S. 210). / Совокупность элементов и сторон эстетического объекта, способных вызвать рауш-состояние воспринимающего их субъекта.

Таким образом, данная терминология описывает состояние литературного дискурса, когда создание смысла не возникает непосредственно из повествования. Следуя концепции Зееля, анализируемой Херманном, для *“künstliches Rauschen”* (искусственного рауш-состояния), включающего в себя и упомянутое понятие *“referentielles Rauschen”* (Hermann, 2019, S. 384) (референциональное рауш-состояние), характерна некая неточность или неопределённость: *Seel betont zudem, dass eine gewisse “Undeutlichkeit ... artistische Undeutlichkeiten darauf ausgelegt seien, einen “Koordinatenverlust” seitens des Rezipienten zu erzeugen”* (Hermann, 2019, S. 149). / Зеель также подчеркивает, что определенная «двусмысленность ... художественная нечеткость призвана вызвать «потерю координат» со стороны реципиента.

Соответственно, применительно к роману Яхиной «Дети мои» важно отметить, что невозможность на уровне реципиента романа подтвердить или опровергнуть неоднородность диегетического уровня, предопределяющую сообщение реципиенту метафизических коннотаций и обусловленную в отдельных повествовательных фрагментах необъяснимой тематизацией некоего остановленного или длящегося мгновения настоящего, может быть рассмотрена в терминологии Зееля как характерное для художественной литературы *“referentielles Rauschen”* (Hermann, 2019, S. 384) (референциональное рауш-состояние), призванное вызвать *“einen “Koordinatenverlust” seitens des Rezipienten zu erzeugen”* (Hermann, 2019, S. 149) (художественная нечеткость призвана вызвать «потерю координат» со стороны реципиента).

Так, в следующих повествовательных фрагментах представлено происходящее с протагонистом после его сверхъестественного погружения в подводный мир, что не получает ни подтверждения, ни опровержения на повествовательном уровне со стороны аукториального повествователя. В одном из финальных пассажей возникает описание перехода за одно мгновение протагониста из физического состояния в некое остающееся необъяснимым на повествовательном уровне, метафизическое. Однако на уровне реципиента оказывается невозможным установить, происходит ли это действительно в диегезисе или является исключительно плодом креативного воображения протагониста:

Бах растворялся в Волге. Самая малость оставалась ему до мгновения, когда ток его крови заменит речное течение, <...> как вдруг сила ... потянула вверх. <...> Бах, отвыкший дышать, ..., желая поскорее вернуться в реку, ... Над ним два киргизских лица <...> – Уйти хотел, ... (Яхина, 2018, с. 483).

В нескольких повествовательных фрагментах, предшествующих данному пассажиру, возникает необъяснимая на повествовательном уровне тематизация эстетизируемого в восприятии протагониста остановленного мгновения настоящего, опосредованного описанием наделённых сверхъестественными свойствами объектов подводного мира (неизменные узорные наличники, парящие живые кони):

На бревенчатых стенах можно было разглядеть мельчайший древесный узор, ... а узорные наличники белели, словно вырезанные минуту назад (Яхина, 2018, с. 474).

Утопая в ракушечной россыпи, лежали на боку сани. Впряжённые в них кони парили в воде, удерживаемые упряжью, гривы и хвосты их развевались по течению (Яхина, 2018, с. 477).

Описания эстетизируемых сверхъестественных объектов и явлений опосредуют необъяснимую на повествовательном уровне тематизацию мгновения. При этом их существование в диегезисе невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть на уровне реципиента. Соответственно, данные описания можно рассмотреть как *“die Komplexität der semantischen Bezüge die Sinnbildung des Texts unterwandert”* (Hermann, 2019, S. 157) (сложность

смысловых отсылок, которая изменяет смысл текста). Данная сложность смысловых отсылок служит возникновению семантически опосредованного эстетического переживания воспринимаемого перформанса как эффекта отмеченности качеством настоящего и является способом опосредованности сообщения реципиенту метафизических коннотаций.

В следующем повествовательном фрагменте Бах записывает выдуманную им сказку о прекрасной Деве, где в качестве Девы выступает его умершая жена Клара. Создаваемая им на бумаге фикциональная действительность трансформируется в восприятии протагониста в реальную, что вновь не находит ни подтверждения, ни опровержения в ауториальной точке зрения. А именно, создаваемая протагонистом фикциональная действительность необъяснимым образом отменяет смерть его возлюбленной. При этом описание сверхъестественным образом возникающей в чувственном восприятии протагониста живой Клары и составляющих её прежний образ предметных деталей необъяснимым на повествовательном уровне образом вновь служит тематизации некоего эстетизируемого остановленного мгновения настоящего:

И нет более ничего и никого, что могло бы разлучить нас <...> Клара – бесконечно красивая ... лицо обрамляют выбившиеся из кос золотые пряди – тянула к нему коричневые от яблочного сока ладони и улыбалась. Бах подошел к ней, ощущая густой медовый дух яблочка... (Яхина, 2018, с. 209).

Необъяснимая тематизация в отдельных повествовательных фрагментах остановленного мгновения может быть также объяснена с помощью понятия “referentielles Rauschen” (Hermann, 2019, p. 384) (референциального рауш-состояния), призванного вызвать “einen "Koordinatenverlust" seitens des Rezipienten” (Hermann, 2019, с. 149) (потерю координат со стороны реципиента), что представляет собой сообщение реципиенту метафизических коннотаций в виде семантически опосредованного эстетического переживания воспринимаемого перформанса или создаёт эффект отмеченности качеством настоящего.

Принимая во внимание эстетизацию в отдельных повествовательных фрагментах остановленного мгновения времени, как и опосредованность сообщения реципиенту метафизических коннотаций, не подвергающихся в романе «Дети мои» деконструирующей постмодернистской иронии, представляется возможным рассмотреть возникающий таким образом эффект отмеченности качеством настоящего в соотношении с некоторыми пост-постмодернистскими концепциями.

Применительно к родовому для философского концепта мгновения понятию “Präsenz” (присутствие и/или отмеченность качеством настоящего) важно отметить, что один из выводов, к которому приходит Херманн в свете анализа шести современных концепций теории присутствия, является обозначенная им продуктивность соотношения философского концепта “Präsenz” одновременно с рядом известных пост-постмодернистских теорий, среди которых концепции псевдомодернизма и диджимодернизма А. Кирби, пост-постмодернизма Н. Тиммер, метамодернизма Т. Вермюлена и Р. Ван ден Аккера, перформатизма Р. Эшельмана и других.

В отношении термина “Rauschen”, рассмотренного Зеелем в книге “Ästhetik des Erscheinens”, Херманн отмечает в числе прочего возможную связь его эстетической теории с метамодернистской концепцией Вермюлена и Ван ден Аккера: “Auf den ersten Blick scheinen diese Formulierungen in der Tat einer von Vermeulen und van den Akker beschworenen Neoromantik nahezustehen...” (Hermann, 2019, S. 14). / На первый взгляд, эти формулировки действительно кажутся близкими к неоромантизму, к которому призывали Вермюлен и Ван ден Аккер...

Отчасти продолжая рассуждения Херманна, важно отметить, что, согласно концепции немецкого литературоведа И. Мюльдер-Бах, для романтического представления о глубине характерно её возникновение в непосредственном контакте с реципиентом. Так, в книге “Räume der Romantik” Мюльдер-Бах отмечает характерное для романтиков восприятие внешнего мира как отражения мира внутреннего, для открытия глубин которого необходимо обладать синестетическим восприятием:

Die optische Wahrnehmung, <...>, soll imaginativ synästhetisch angereichert werden, sie soll die durch den “dunkelsten” und “profundesten” Sinn das Gefühl vermittelte Erfahrung mitproduzieren... (Mülder-Bach, Neumann, 2007, S. 83). / Оптическое восприятие, <...>, должно быть оснащено синестетически воображаемым, должно посредством «самого тёмного» и «глубинного смысла» воспроизводить чувство опосредованного опыта...

В этом отношении можно проследить определённую связь данной интерпретации романтической глубины с определением понятия “referentielles Rauschen” (референциальное рауш-состояние), использованного применительно к рассматриваемому роману для уточнения концепта “Präsenz” и эффекта отмеченности качеством настоящего. Так, для референциального рауш-состояния, согласно Зеелю, характерна некая неточность, или неопределённость, которая призвана вызвать “einen "Koordinatenverlust" seitens des Rezipienten” (Hermann, 2019, S. 149) (потерю координат со стороны реципиента). Следовательно, понятие “referentielles Rauschen” (референциальное рауш-состояние) может быть использовано для теоретического уточнения такого концептуально неточного понятия, как «глубиноподобие» авторов метамодернистской концепции Вермюлена и Ван ден Аккера. А именно, понятие «глубиноподобия» в метамодернистской концепции получает следующее метафоричное определение:

Внешний вид может порождать ощущение того, что находится за его пределами, даже если существование такого «запределья» представляется недосказанным, маловероятным и даже невозможным (Аккер, Вермюлен, Гиббонс, 2019, с. 353)

Соответственно, согласно определению “referentielles Rauschen” (референциональное рауш-состояние) Зееля, можно интерпретировать метамодернитское понятие глубиноподобия применительно к роману «Дети мои» как результат эстетического восприятия перформанса, для постижения которого характерно, с одной стороны, интерактивное вовлечение реципиента, а, с другой стороны, невозможность постижения целого при референциональной семантической опосредованности его эстетического переживания. Применительно к возникающим в романе Яхиной метафизическим коннотациям данное заключение может служить альтернативным объяснением для принципов сообщения реципиенту романа единой интенциональной доминанты.

Кроме этого, “referentielles Rauschen” (референциональное рауш-состояние), представляющее собой частный случай проявления в художественном тексте семантической опосредованного эстетического переживания воспринимаемого перформанса и принцип сообщения реципиенту метафизических коннотаций как эффекта отмеченности качеством настоящего в романе «Дети мои», можно также рассмотреть как альтернативу для ряда пост-модернистских литературоведческих концепций, общим для которых является наличие формальной опосредованности сообщения тех или иных эффектов реципиенту. Среди них могут быть выделены формальная опосредованность сообщения эффектов трансцендентного в перформативской концепции Эшельмана и метареференциональная опосредованность сообщения подлинности, или аутентичности, в концепции И. Хубер и В. Функа.

Заключение

Итак, в заключение можно установить, что в настоящей статье были решены следующие из поставленных задач:

- произведён базовый нарратологический анализ фантастического в романе «Дети мои» Г. Яхиной;
- выявлены особенности представления метафизических коннотаций на повествовательном уровне романа;
- рассмотрено понятие философского концепта мгновения (Theunissen, 2007) и соответствующее, родовое для него понятие “Präsenz” в терминологии Р. Херманна;
- определены особенности сообщения реципиенту метафизических коннотаций с помощью предлагаемого понятия повествовательного эффекта отмеченности качеством настоящего;
- философский концепт мгновения и соответствующее ему родовое понятие Präsenz в отношении романа «Дети мои» были соотнесены с некоторыми пост-модернистскими концепциями.

Таким образом, анализ необъяснимой тематизации в отдельных повествовательных фрагментах романа остановленного мгновения настоящего, соотносимого с философским концептом мгновения, а также сообщения реципиенту метафизических коннотаций, опосредованного особенностями организации повествовательного уровня романа, может быть рассмотрен как результат возникающего в отдельных повествовательных фрагментах сообщения реципиенту эффекта отмеченности качеством настоящего. Рассмотрение эффекта отмеченности качеством настоящего применительно к роману «Дети мои» делает возможным соотнесение данного текста с некоторыми положениями известных пост-модернистских концепций и представляет собой альтернативное методологическое решение для противопоставления его поэтики поэтике художественной прозы других литературных эпох. В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать возможность применения предложенной в настоящем исследовании методологии анализа повествовательного эффекта отмеченности качеством настоящего к другим текстам современной художественной прозы.

Материалы исследования | Research materials

1. Гузель Яхина о втором романе «Дети мои»: писать начала с глав о Сталине. 2018. <https://www.evening-kazan.ru/kultura/articles/guzel-iaxina-o-vtorom-romane-deti-moi-pisat-nacala-s-glav-o-staline?ysclid=mk7eh8y35988572540>
2. Яхина Г. Дети мои. М.: ИД Елены Шубиной, 2018.

Источники | References

1. Аккер Р. ван ден, Вермюлен Т., Гиббонс Э. Метамодернизм: историчность, аффект, глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки. М.: Рипол-классика, 2019.
2. Бакалов А. С., Бакалова З. Н. Два русских романа о «русских» немцах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. № 22 (73).
3. Богданова О. Интертекстуальный ресурс русской классики XIX-XX вв. в романе Гузели Яхиной «Дети мои» (2018) // Chinese Journal of Slavic Studies. 2024. № 4 (1).
4. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4.
5. Кротова Д. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018.
6. Маньковская Н. От модернизма к постмодернизму via постмодернизм // Коллаж-2. 1999. <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH7c27d107d4ad9e00791441>

7. Масленникова А. Аукториальность в современных русских романах. Михаил Шишкин Письмовник, Взятие Измаила и Евгений Водолазкин Авиатор, Лавр. Baden-Baden – München: Georg Olms Verlag; Universitätsbibliothek der LMU, 2025.
8. Набиуллина А. Интермедальность как составляющая транзитивной картины мира в современной русскоязычной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2.
9. Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои». // Культура и искусство. 2018. № 10. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.10.26710>
10. Цзан С., Гуань Ю. Художественная ценность бестселлера: жанровое искусство романа Г. Яхиной «Дети мои» // Неофилология. 2024. № 10 (4).
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-956-966>
12. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019.
13. Эшельман Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // Логос. 2021. Т. 31. № 6.
14. Hermann R. Präsenztheorie. Möglichkeiten eines neuen Paradigmas anhand dreier Texte der deutschen Gegenwartsliteratur (Goetz, Krausser, Herrndorf). Baden-Baden: Ergon, 2019.
15. Herman D. The Basic Elements of Narrative. Hoboken: Wiley, 2009.
16. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. München: C. H. Beck Studium, 2019.
17. Mülder-Bach I., Neumann G. Räume der Romantik. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2007.
18. Schranz H. Ch. “Von Magischen Realisten und weißen Tigern”: Die Entwicklung der indo-englischen Literatur nach Salman Rushdies *Midnight's Children*. Wien, 2009.
19. Theunissen M. Augenblick // Historisches Wörterbuch der Philosophie online / ed. by J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Basel: Schwabe AG, 2007.
20. Todorov T. Einführung in die fantastische Literatur. Frankfurt am Main: Fischer, 1975.

Информация об авторах | Author information

RU

Масленникова Ангелина Валерьевна¹, PhD

¹ Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана, Федеративная Республика Германия; Московский университет им. С. Ю. Витте

EN

Angelina Valerievna Maslennikova¹, PhD

¹ Ludwig Maximilian University of Munich The Federal Republic of Germany; Moscow Witte University

¹ maslengelina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.12.2025; опубликовано online (published online): 15.01.2026.

Ключевые слова (keywords): эффект отмеченности качеством настоящего; пост-постмодернистские концепции; теория присутствия; магический реализм; фантастическое в современной литературе; Presence effect; post-postmodernist concepts; Presence Theory; Magical Realism; fantastic in contemporary literature.